

МАРК МАЙЕР
ОСКОЛКИ
ВЕЧНОСТИ

Марк Майер
Осколки Вечности

«Автор»

2026

Майер М.

Осколки Вечности / М. Майер — «Автор», 2026

Прошло уже столетие как империя Сиен пала, уступив благословенные богиней земли технократам, не верующим ни во что, кроме машин и ружей. Люди успели забыть легенды о монархах, но остались воины, лицезревшие увековеченных в летописях правителей воочию и сражавшиеся с ними бок о бок. Раанэд бережно хранил в памяти времена служения империи и наблюдал за построением иного миропорядка, в котором ему больше не было места. И вот спустя век молчаливого созидания его вынудили снова взяться за меч и доказать своё право на жизнь в новом мире.

© Майер М., 2026

© Автор, 2026

Марк Майер

Осколки Вечности

Глава 1

Глава 1. Раанэд

Ещё не затихли раскаты битвы, а отважные воины склонились над телом умирающего императора. Не могли смотреть преданные слуги, как угасает вместе с владыкой наследие самой Вечности. Каждый был горазд отдать во спасение Империи всё, чем обладал, да не имел никто сил залечить раны монарха. Тогда пожертвовали все семеро по частичке себя, чтобы мог император и дальше вести народ за собой, прославляя милосердную богиню.

Расцвет империи Сиен. Хроника Вечности

3517-ый год от явления Вечности

1012-ый год Нового мира

Стоило палящему зною лишь немного сбавить обороты в преддверии осени, как улицы Гритгала заполнились плащами, нескладными потоками струящимися вдоль барачков и фабрик, соотношение которых неизменно вводило приезжих в ступор, ведь как может на одно производство приходится одна лачуга? Наиболее любопытные могли утолить свой интерес, вырвав из живого течения кого-то из местных и за пару монет – эти люди как никто другой понимают цену своего времени – узнав, что каждый рабочий неустанно трудится во благо сразу нескольких фабрик. Как только утихают плавильные котлы, через дорогу заводятся шлифовочные станки, а когда они замолкают, улицу заполняет едкая вонь из цехов по выпариванию селитры. Густой сизый смог расплывался по городу, запускал свои вёрткие щупальца в каждый переулок, просачивался через закрытые окна и двери, оседал на одежде, приучая жителей к просмолённым плащам, с которых удобно стирать прилипший слой промышленных выбросов. Вымыть грязь из организма было куда сложнее, поэтому большинство обитателей Гритгала кутались в шарфах и платках, чтобы вдыхать как можно меньше уличной пыли. Подобные меры не могли полностью защитить дыхательные пути от замешанных в воздухе токсинов, но за неимением альтернатив служили единственным средством борьбы со средой обитания, медленно отравляющей всё живое.

Один из серых плащей отделился от толпы. Точно отбившая от стада овечка он петлял по закоулкам, возвращался на тропу и сворачивал в противоположное направление. Витиеватый маршрут привел его к мосту, знаменующему конец города, по крайней мере его цивилизованную часть. Грузная арка переброшенная через реку была одним из немногих уцелевших до нынешних времён наследий империи. Плавные изгибы, неровность каменной кладки, частично сохранившиеся обелиски по обе стороны моста, всё это было чуждо сегодняшним ремесленникам, коим поручали быстро и с минимальными затратами возвести переправу, способную выдержать гружёные металлом повозки. Практичность не терпит искусства.

Пенящаяся, мутная от сливаемых фабричных отходов река, в чьих водах выживали только пиявки и лягушки, отсекала от Гритгала кусок дикой холмистой земли. Приручение изменчивых рельефов, чередующих логи и резкие горные подъёмы, было делом сложным, долгим и затратным, что и уберегло эту часть города от рук корпораций. Пока что уберегло. Плащ миновал мост и, пройдя по вытоптанной дороге лишь пару десятков метров, свернул в подлесок. Миновав несколько оврагов, он вышел на тропу. Вела она в малочисленное поселение, обосновавшееся на плато. Деревянные лачуги были как попало раскиданы вдоль вью-

щейся дорожки, и вокруг каждого жилища разрасталось хозяйство с клочками полей и загонами для скота. Земля не была огорожена, и понять, где заканчивается владения одной семьи и начинается участок другой, могли только владельцы, но территориальные споры здесь были редкостью. Такая гармония сложилась не столько благодаря дружелюбию здешних обитателей, сколько из-за отсутствия какой-либо выгоды, ведь земля с неохотой делилась своими дарами с людьми и драться за бесплодную почву никто не видел смысла. Каждая охапка пшеницы, каждый мешок картофеля и каждая корзина яблок добывалась тяжелейшим трудом и мольбами. С годами желающих выпрашивать у земли пропитание становилось всё меньше, и они перебирались в город, переадресовывая свои прошения к фабрикам, которые оказывались более сговорчивыми.

Плащ добрался до последних домов, упирившихся в ступенчатый склон. Серые полы скользили по камням и плотной земле, пока человек резво преодолевал один подъём за другим. Дальше дорога была куда более щадящей. Тонкая как ручеек тропа стелилась вдоль сочной травы, которую, казалось, совсем не беспокоило приближение осени, и чем выше, тем обильнее разрасталась зелень. На вершине холма растительность доходила практически до колен и только перед самым храмом природа почтительно уступала, не позволяя зарости входу в святиню. По левую сторону, где перепады ландшафта были наименее выражены, искрился пруд. Обитали там лишь изумрудные вихлятки, но в таком количестве, что прозрачная вода издали казалась ярко-зелёной из-за неустанно наворачивающихся круги рыб. В тесноте их длинные чуть задранные на кончиках хвосты постоянно задевали соседей. С наступлением холодов их прыть поубавится, а чешуя из насыщенного травянистого оттенка станет ближе к жёлтому золоту, но пока они полны жизни и красок.

Из распахнутых дверей храма вышел мужчина. Его руки крепко прижимали к груди подол застиранной рубахи, сильно выпирающий из-за нагруженных туда фруктов. Чем ближе мужчина притягивал к себе ткань, тем с большим усердием гладкие красные плоды пытались выскользнуть из его объятий. Такие же фрукты свисали с деревьев, полукругом обходивших храм. Ещё не собранный урожай отличался по цвету от жмущихся в подоле фруктов. Зрелые гуттавии окрашивались в насыщенный багровый оттенок, а оставшимся в прихрамовом саду требовалось ещё недели две, чтобы алая кожура потемнела, а бледно-розовая волокнистая мякоть стала достаточно податливой и сладкой.

Нагруженный гуттавиями мужчина с опаской глянул на серый плащ. Несколько секунд оба стояли неподвижно, а затем плащ отшагнул в сторону. Один из фруктов не выдержал усилившегося давления и выскользнул из рубахи. Мужчина проигнорировал свою потерю. Он не сводил взгляда с нехарактерного для здешних краёв облачения, и, даже решившись продолжить путь, настороженно косился на горожанина. Плащ сдвинулся с места лишь когда обеспокоенный мужчина спустился с холма и затерялся за лачугами. Подойдя к откатившейся в траву гуттавии, человек склонился над соблазнительно поблёскивающим на солнце фруктом и бережно поднял его. Большой палец огладил кожицу, наслаждаясь её атласной гладкостью. Человек поднёс плод ближе к лицу и глубоко вдохнул сладостный аромат. Губы дрогнули в улыбке.

Тяжёлый кожаный ботинок ступил на дощатый пол храма, заполнив пустой зал эхом. Каждый шаг отдавался дрожью в святых стенах, что давно отвыкли от силы и величия своей паствы. Рассохшиеся ряды скамей сменили своё предназначение. Больше от них не требовалось выдерживать толпы прихожан, отдавливающих себе в тесноте бёдра, держащих на коленях детей, путь тем уже и неловко ютиться на родительских ногах, всё лишь бы втиснуться на утреннюю мессу. Теперь же скамьи должны были выстоять лишь под весом мокрой тряпки, стирающей с них пыль и воспоминания о былой востребованности.

- Надо же, солнце едва взошло на небосвод, а ко мне явился уже второй прихожанин, - мягкий низкий голос заструился по храму, заполняя собой всю тоскливую пустоту этого места.

Из бокового нефа показался обладатель голоса. Слишком статный, чтобы сойти за молодого, но и слишком напитанный жизненными силами, чтобы называться стариком. От улыбки его загорелое лоснящееся лицо покрылось морщинами, уходящими в куцую седую бородку. Чёрная туника плотно обхватывала крепкие плечи и рельефные натруженные руки, которые могли бы одинаково ловко управиться и с мотыгой, и с мечом, но сейчас эти грубые обветренные ладони сжимали свисающую с шейной цепочки нежно-лиловую подвеску. Вытянутый как слеза камень не мог похвастаться мастерской огранкой – грубо обтёсанный и не менее грубо отшлифованный, и всё же украшение обладало непринуждённым рутинным шармом, позволяющим распознать красоту в вещах, не стремящихся притягивать к себе взгляды.

- И всё же отвык я от такого обилия посетителей, - настоятель храма приглушённо засмеялся. – Напрасно говорят, что каждый новый день всё дальше уводит людей от веры, заменяет им молитвы на скрежет шестерёнок и подначивает вместо подношений богине отдавать всё своё золото ушлым торгашам в обмен на груды жестянок равнозначного веса.

Плащ миновал скамьи и приблизился к залитому светом алтарю. Из широкого, уходящего под самый потолок окна, на свою паству взирала сама Вечность. Сотни цветных стёклышек складывались в витраж, любовно воссоздающий богиню в тот виде, какой её описывают священные тексты – могущественная, сострадательная и отчуждённая. Образ Вечности был так близок и осязаем, что каждый взглянувший мог почувствовать благословение, озаряющее его нутро, но даже припав к витражу всем телом, осыпав его поцелуями и слезами, ни одному из живых существ не удастся приблизиться к той силе, что наблюдает за ними свысока. Печально опущенная голова, сложенные на животе руки и гордо расправленные плечи, взвалившие на себя ответственность за всё сущее. Фигуру обрамляли фрагменты розового, фиолетового стекла, а также всё разнообразие палитры между этими цветами. Так сияла Вечность. Источаемая богиней сила укутывала всё лиловой вуалью. Свет, который направлял, исцелял и карал.

На необъятную монолитную плиту венчавшую мраморный жертвенник лёг плод гуттавии. Пальцы совершившего подношение прошли по каменной глади. Мрамор дышал теплом. С неохотой рука оторвалась от нагретой божественным взглядом поверхности и потянулась вверх, чтобы откинуть капюшон. Источаемый витражом розовый свет коснулся бледного уставшего лица. Взвизгивающая с витража Вечность огладила нахмуренный лоб, грубые скулы покрытые мелкими веснушками, острый подбородок со шрамом под левым уголком рта. Сухие потрескавшиеся губы благоговейно приоткрылись, но глаза, по-орлиному смотрящие из-под грузных надбровных дуг были ясны и требовательны.

- Прости, - сказал человек, не отводя взгляда от богини.

- Эти слова в храме звучат намного чаще благодарностей, - настоятель тяжёлой походкой приблизился к алтарю, но вторгаться в пространство, благословлённое на общение с Вечностью не стал.

- Как я заметил, сюда приходят не за общением с богиней, - мужчина не смел гневаться пред взором Спасительницы, и всё же меж бровей засела угрюмая морщина.

- Нынче времена тяжкие. Страждущим нужны не разговоры, а помощь, понятная и осязаемая. Всё, что это место может предложить людям – крохи урожая, которыми нас одарила Вечность.

- С моего предыдущего визита сад стал ещё прекраснее. Очевидно, богиня благословила не только эту землю, но и твои руки, - прихожанин скрипнул подошвой ботинок, на пятках поворачиваясь к служителю, и почтительно склонил голову, а через несколько секунд признание сменилось укором. – Жаль видеть, как дары, посланные верующим, попадают в руки людям, ни разу не припадавшим к лику Спасительницы.

- Вера не может быть односторонней, - настоятель развёл руки, и храмовое одеяние жалобно закрипело на его натруженных плечах. – Ровно как людям положено чтить Вечность, богине должно заботиться о существах, коих она одарила своей опекой.

- Вот только подопечные отвергли своего благодетеля. Установленный Вечностью порядок разрушен, наследие разграблено, а память о ней опорочена. Неужели эти вольные люди, подчиняющиеся только себе и живущие лишь для себя, не брезгают подачками угнетавшей их некогда тирании?

Для хранителя тлеющих огней Вечности подобные упрёки были не в новинку. Чаше всего поток пренебрежения выливался на него с целью загасить итак едва теплые угольки, оставшиеся от горящей в людских сердцах веры. Сейчас же настоятель слышал обиду. Не на себя, и уж тем более не на богиню. Гость принёс с собой обиду на мир, сильно изменившийся за годы его существования, и это чувство уже долгое время отравляло естество, которое он когда-то вверил бесплотному образу.

- Человек в нужде не различает верований протянутой ему руки. Если несчастный умирает, ему без разницы, кто принесёт спасение: любимый человек или самый ненавистный враг; я, ты, или сама Вечность снизойдёт к нему. В этом и состоит примитивность людской природы, что отнюдь не делает её хуже святых воплощений.

Солнце за окном пришло в движение и пурпурный свет витража ударил в лицо воинственному почитателю богини, заставив того сощуриться и упереться взглядом в пол. Он принял своё поражение. Продолжать тягаться в преданности идеалам бессмысленно, ведь пусть они и придерживаются одной веры, каждый взрастил из своей любви разные убеждения. В знак уважения к чужим, совершенно неблизким ему принципам, мужчина в плаще громко, с заботой к каждому своему слову, произнёс:

- Я рад, что у церкви всё ещё есть достойный хранитель.

- Мой отец был преданным служителем Вечности, ровно как и мой дед, а того наставлял мой прадед. Дальше, с твоего позволения, я эту цепочку продолжать не буду, - посмеиваясь сказал настоятель.

- Твой прадед говорил, что храм – это место, куда каждый приносит свою любовь.

- Он был тем ещё романтиком, - тихий смехок.

- Жаль, но я несю только неприятности.

- Да, отец предупреждал, а его – дед... дальше знаешь.

Мужчина резко повернулся к выходу. Полы плаща взметнулись вверх, как и пустой левый рукав. Святилище застыло в тягучем напряжении. Напоследок оглядев свой дом, настоятель тяжёлой звучной поступью побрёл к распахнутой двери. Окованные железом створки жалобно поскрипывали, предвещая свою печальную судьбу. Уже на пороге служителя окликнули:

- Тебе есть, где обосноваться?

- Добрые души приютят, - не раздумывая ответил изгоняемый.

- У нынешних людей не осталось уважения к посланникам Вечности, - беззлобно, пытаясь лишь напомнить о жестоких реалиях, сказал мужчина в плаще.

- Зато они помнят добро, - успокоил настоятель. – Самому-то помощь не нужна?

- Мне бы не помешала крепкая лошадь, но предположу, что теперь на здешней конюшне из живности можно найти лишь клопов.

- Да, конюшня уже лет сорок как в запустении, - подтвердил служитель, но, подумав пару секунд, добавил. – Спроси у последнего дома со стороны долины – их живность ещё не полностью подохла.

- Сомневаюсь, что хозяева захотят по собственной воле расстаться даже с самой захудалой кобылой, - он не сомневался, он был в этом уверен.

- Скажи, что их об этом просит блаженный из заброшенного храма. Я верю – они не откажут.

Паломник остался один пред взором богини. Плащ был его новой бронёй, его защитой от враждебного мира, но сейчас жёсткая ткань мешалась. Тело хотело скинуть эти оковы, столь неуместные в присутствии самой Вечности. Её печальный образ ввергал в стыд. Не в таком виде он хотел предстать перед богиней в их следующую встречу. Хотя, эта встреча в принципе не должна была состояться, так что поводов для вины итак хватало.

В храм просочился запах пороха и оружейной смазки. Он полз между скамеек, огибая растрескавшиеся ножки, крался к алтарю и расползлся по помосту. Мужчина скривился, когда нос обожгло кощунственным для святого места смрадом. Ещё сильнее его лицо исказилось при виде тени, вытянутым пятном расплывающейся по дорожке бьющего с улицы света.

- Далеко же ты забрался. Не мог выбрать местечко с удобным подъездом для механических повозок? – сказал новоприбывший, ступая в обитель Вечности.

Подогнанная по фигуре военная форма сразу же выдавала род деятельности преследователя. Солдат был молод – на нежной, ещё не привыкшей к бритью коже щёк алели крошечные ранки от лезвия, а глаза пылали юношеской наглостью. Каждый шаг парня сопровождался скрежетом и скрипом металлических пряжек, заклёпок и молний.

- Правительственным войскам недостаёт сноровки, чтобы угнаться за калеккой? – насмешливо поинтересовался однорукий.

- Подобные рассуждения оскорбительны для государства, так что мне придётся лично продемонстрировать тебе уровень подготовки военных Сиена.

- Империя Сиен...

- Империя пала! – прервал чужие размышления солдат. – Уже полторы сотни лет как государство Сиен свободно от диктатуры имперской семьи.

- И чем же я неугодил свободному государству? – мужчина не сдвинулся с алтаря ни на шаг и терпеливо смотрел на приближающегося парня.

- Мы имеем все основания полагать, что беглый император намеревается поднять восстание, чтобы узурпировать власть в Сиене.

- Повторюсь, чем я, - мужчина выделил это слово и голосом, и ожесточившимся выражением лица, - не угодил свободному государству? Не припомню у себя монарших корней.

- Раанэд, ты состоял в императорской гвардии, - прямо озвучил свои обвинения солдат.

- Я покинул службу, причём задолго до последней войны, которую вы, по глупости или из издёвки, называете революцией. С тех пор император обо мне не вспоминал, а значит, и мне нет смысла заботиться о нём, - не скрывая обиды, сказал Раанэд.

- Меня не заботят ваши разногласия. Предан ты ему или нет, без разницы. Вместе со своими товарищами ты успел сделать своему хозяину подарок, который и по сей день делает его неприемлемой для государства фигурой.

Парень снял с плеча длинный, практически во весь его рост, обитый кожей чехол. Щёлкнув парой замков, он распахнул крышку и молниеносно извлёк из мягкой вельветовой подложки ружьё. Длинный ствол, не меньше двух локтей, нацелился на имперского ветерана. Солдат плотно упёр приклад в плечо, и не сводил дула с фигуры на помосте.

- Для маршала ты слишком уж молод, - отметил Раанэд.

Парень сжал челюсти, и на его молодом по-детски припухлом лице очертились скулы.

- Капитан, - поправил он свою цель. – Пока что капитан. Но думаю, после твоей ликвидации меня ждёт минимум звание генерала.

- Ох, значит правительство посчитало, что со мной справится один мальчишка, который видел поле боя лишь во сне, - Раанэд изогнул губы в глумливой усмешке. – И как не сомневаться в разумности нынешних властей?

- Не успеет улыбка сползти с твоего лица, как храм оцепит штурмовой отряд, отобранный лично маршалом, но к этому моменту ты уже будешь мёртв, - заявил капитан, удерживая палец на спусковом крючке.

Выстрел. Угол мраморного жертвенника разлетелся в крошку, а Раанэд в одно мгновение оказался перед алтарём, укрывшись за начальным рядом скамей. Второй выстрел снёс деревянную спинку целиком и заставил цель отпрыгнуть в сторону. С одной из колонн, держащих неф, полетели куски камня и шпатлёвки. Затем посыпалось стекло, и через опустевшее окно хлынул поток свежего воздуха. Попавший в стену выстрел заставил храм содрогнуться. С потолка осыпалась пыль и труха от ветхих балок. Раанэд двигался как ветер – предсказуемый рывок, и когда пуля уже готова была ввинтиться в грудную клетку, ветеран скользко увиливал, меняя направление и заставляя стрелка подбирать новый угол для выстрела. Капитан стойко выдерживал темп. Его руки мгновенно реагировали на вражеские манёвры и без лишних содроганий переводили прицел вслед за мишенью. Он почти привык к навязанным ему условиям игры. В движениях имперца уже получалось уловить закономерность. Логически она не складывалась в сколь-либо понятную формулу, но чутьё нашёптывало, куда вспорхнёт дичь. Парень заметил, радиус промаха сильно сузился – он уже в нескольких местах изодрал серый плащ, облекающий живого человека в образ призрака. Каждое нажатие на курок приближало капитана к завершению миссии. А затем всё изменилось.

Раанэд запрыгнул на спинку скамьи и одним рывком перескочил несколько рядов. Деревина за ним с грохотом рухнула, и виной тому был не выстрел, а сила, с которой мужчина оттолкнулся от хрупкой конструкции. Капитан удивлённо хмыкнул, но ружьё будто магнитом притянуло вверх, вслед за методично уничтожающем церковное убранство Раанэдом. Он метался от одной скамьи к другой, избегая прямых путей, но постепенно сокращая расстояние между сражающимися. Ружьё нагрелось. Ещё немного и от начищенного до блеска металлического корпуса повалит пар. Сжимающая цевьё ладонь будто держала раскалённую сковороду, но офицер не давал своему оружию поблажек. Мишень становилась ближе, а уследить за ней было всё также сложно, и когда вместо очередного уворота преследуемый бросился навстречу, стрелок растерялся. Отшатнувшись назад, капитан попытался успеть навести ствол на внезапно перешедшего в наступление врага, но на прицеливание не хватало ни времени, ни сосредоточенности. Ситуация требовала смены тактики.

Скользнув ладонью ниже по ложе, капитан потянул на себя подвижный механизм, и вдоль ствола блеснули лезвия, стремительно вырвавшиеся из бороздок, тянущихся по бокам до самого дула. Тонкие как травинка клинки казались хрупкими, не способными выдержать ничего прочнее чёрствого хлеба, и всё же лиловое свечение, струящееся по острию, ввело Раанэда в замешательство. Лезвие вспороло ткань плаща на груди. Кожу обожгло теплом, знакомым, почитаемым и ныне враждебным. Перехватив оружие для более манёвренного положения, капитан описал дугу клинком и, когда противник отошёл с траектории атаки выбросил увенчанный лезвиями ствол вперёд, чтобы пронзить чужую плоть выступающими перед дулом остриями. Раанэд ощутил, как острые зубья пронзают его живот чуть ниже рёбер, не глубоко – тело успело среагировать и отскочить, не позволяя лезвиям достичь печени, но расслабляться было не время. Рука офицера скользнула к спусковому механизму и палец лёг на курок. Раанэд ударил коленом по стволу ружья. Клинок вспорол кожу практически до самой ключицы, а затем шею опалило выстрелом.

Шагнув вперёд, Раанэд ухватился рукой за цевьё и увёл ружьё вверх. По заветам тренировок имперской гвардии, ветерану следовало бы сейчас выбить из головы противника желание сражаться вместе с любыми мыслями и порывами, и если бы у Раанэда была левая рука, он бы обязательно её воспользовался. Вместо этого пришлось снова пустить в ход ноги. Стоило колену выдвинуться вперёд, как по опорной ноге прилетел удар от капитана, прекрасно понимающего малую вариативность атак калеки. Раанэд пошатнулся, но врага не отпустил. Вместо этого он потянул на себя модифицированное ружьё вместе с его хозяином. Капитан не успел осознать своего положение или же просто-напросто побоялся расстаться со своим оружием и схлопотал мощный удар головой в лицо. Силы ушли из рук офицера, и Раанэд вмиг разоружил

врага, отбросив к алтарю богопротивную грудю металла. В несколько ловких движений ветеран уложил парня на дощатый пол, который жалобно скрипнул от грубого удара тела об иссохшие куски древесины.

- Как вам удалось отыскать меня? – спросил Раанэд, угрожающе вжимая подошву ботинок в шейные позвонки поверженного солдата.

- Не... кх... интересовался, - хрипя от боли и беспомощности ответил капитан.

- Советую быть поговорчивее, пока я не начал ломать тебе пальцы или вырывать зубы, - нога усилила давление, и храм огласил треск половых досок, рискующий вот-вот перейти в треск костей.

- Вот, значит... какие на самом деле... имперские герои, - злобно выплюнул офицер.

Раанэд нахмурил брови, сильнее надавив излишне дерзкого для своего положения парня, но, осознав риски окончить допрос преждевременно, сбавил напор. Слух уловил нехарактерную для здешних мест оживлённость, окутывающую храм по периметру. В нос с новой силой ударила вон пороха и оружейной смазки. Времени почти не осталось.

- Что тебе известно о стражах императора? – спросил Раанэд.

- Лишь то, что эти заскорузлые коросты нужно поскорее содрать, пока гниль не расплзлась по всему телу нашего государства.

- Остальных уже выследили? – ветеран сжал кулак, лишь бы от раздражения не переломить наглецу шею раньше времени.

- Пока одного. К моменту, когда твою голову доставят маршалу, отряд ликвидации наверняка его настигнет, - парень предпринял попытку вырваться, но удерживающая его нога даже не дрогнула, словно враг и не заметил внезапного порыва к свободе.

- Где он?

Капитан до скрежета сжал зубы. Такой ответ не устроил Раанэда, и он напомнил упряму о хрупкости его костей. Парень зарычал, чтобы скрыть боль, расплзающуюся от задней части шеи до самых висков.

- В Лаур-Оксене, - сдался капитан. – Но тебе эта информация не пригодится.

Глаза Раанэда уловили мелькнувшую в окне тень. Тело под ногами больше не противилось. Отчаянные бессмысленные попытки вернуть себе гордость сменились принятием собственной беспомощности. Голос офицера, полный напускной дерзости, за которой скрывалось его уязвлённое эго, призвал к очевидному:

- Сдайся и, может, у тебя получится выторговать себе достойную казнь. Хотя бы в последние дни своего существования послужишь на благо Сиена. Умереть за государство должно быть честью для такого ничтожества как ты...

Хруст. Звук ломающегося позвоночника ознаменовал конец диалога. Раанэд откинул с лица выбившуюся из-под ворота прядь длинных небрежно обрезанных волос и посмотрел на витраж Вечности. Богиня взирала на него с прежним сочувствием. Убрав ботинок с безжизненного тела офицера, Раанэд направился к алтарю. Каждый шаг был громче, резче, весомее предыдущего, и стих этот марш, достигнув кульминации у жертвенника. Раанэд взялся за мраморную плиту и в одно движение скинул её с постамента. Камень с грохотом рухнул на пол, усыпая всё вокруг осколками, крошащимися с отстреленного угла. Шум спровоцировал копошение за стенами храма. К дверям стала стекаться скверна, источающая смрад промасленной стали.

Запустив руку в открытое нутро жертвенника, Раанэд тепло улыбнулся. Так встречают друга после долгой разлуки. Так смотрят на возлюбленную, обещая больше никогда не отпускать. Так возвращают себе страсть к жизни и ясность будущего. Раанэд сжал ладонь вокруг рукояти меча и блаженно прикрыл глаза от хлынувшего в тела потока силы. На мгновение ему показалось, что отсутствующая уже больше сотни лет рука снова с ним, но нет, левый рукав всё ещё свисал безвольной тряпкой, движимой лишь задуваниями ветра. И больше это не

вызывало беспокойства. Воссоединение дало ему намного больше, чем целостность тела – его дух, раздробленный и брошенный грудой осколков в физическую оболочку, снова был един. Подняв меч, Раанэд опьянел от всемогущества. Лоб прижался к гладкому ничуть не затупившемуся за столетие безделья металлу, и вместо холода воин почувствовал жар. Богиня прикоснулась к оружию, озарив пурпурным светом каждый фрагмент собранного из множества сегментов клинка.

Получив благословение от безмолвного витража, Раанэд откинул все сомнения. Одним взмахом он поверг храм в разруху. Клинок разошёлся на части, соединяемые лишь тонкой, обманчиво хрупкой цепью. Имперский металл без труда выбивал окна, крошил стены, вспарывал тела солдат, окруживших обитель Вечности. Дождь из обломков заглушал вопли раненных, но даже в бушующем хаосе Раанэд слышал печальный вздох богини, теряющей свои очертания в осколках витража.